

Поэту страдать стыдно

Общая газета. - 2001. - 2 декабря. - с. 10
Иосиф Бродский был

*убежден в этом
до самой смерти*

Четыре года назад, 28 января, умер Иосиф Бродский. Интервью состоялось в 1987 году в Нью-Йорке. Собеседник Бродского — Бенгд ЯНГФЕЛЬД, переводчик и специалист по русской литературе. Полностью выйдет в сборнике избранных интервью в издательстве «Захаров».

О власти

— Латышская поэтесса Визма Берлевица сказала мне замечательную вещь: «Я не знаю Бродского лично, но то, что власть нас ненавидит, это потому, что мы сохранили человеческий вид и не обращаем на нее внимания». Как по-вашему, власть более всего не терпит, когда ее просто не замечают?

— В этом-то все и дело: когда ты не просоветский или антисоветский, а просто асоветский. С этого все мои неприятности и начались — когда начальство поняло, что человек просто не обращает на них внимания: по крайней мере, в то-нальности того, что он сочиняет. Или ты раб с энтузиазмом, или ты враг: общество разрешает тебе выбирать только из двух ролей. Обе роли так или иначе сужают рамки, и если тебе в них тесно и ты не играешь ни в одной из них, на тебя смотрят скорее как на врага.

— Поскольку ты не попадаешь под категорию.

— Это не укладывается в их схему, а если это не укладывается в схему, в этом видят определенного рода угрозу. И не только в случае, когда государство имеет с тобой дело vis-à-vis, но и тогда, когда ты имеешь дело с другими людьми. Как только случается что-то из ряда вон, тебя берут на заметку и начинают относиться с подозрением. Ты сразу попадаешь в категорию ненадежных. Государство подозревает каждого, иначе зачем ему такой огромный аппарат государственной безопасности?

— Чтобы поддерживать напряжение...

— В том-то и дело. Объяснить этот механизм легче всего с психологической точки зрения, поскольку государство знает, что оно незаконно, насильственно и что граждане сомневаются в его правоте. Вчера я был в резиденции мэра, мэр Кох устраивал прием в мою сомнительную честь, так вот, он спросил меня, правильно ли поступил Конгресс США, пригласив генерального секретаря ЦК КПСС выступить перед конгрессменами, а потом отменив выступление. Я сказал, что это была глупость — отменять выступление.

«Но ведь он представляет угнетенное общество. Это все равно что пригласить в Конгресс Гитлера!» — сказал мэр. И я ответил: «Вы преувеличиваете. Между ними нет ничего общего, хотя бы потому, что Гитлер был официально избран народом». А Горбачев не был. И в этом его преимущество.

— В Советском Союзе ты всегда советский — про- или анти-Независимым становится только тот, кто перестает быть советским вообще.

— Да, это когда ты настаиваешь на том, что ты человек, разумный человек, и что тебя не устраивают те роли, которые навязывает общество, поскольку ты считаешь, что человек гораздо разнообразнее, многограннее, что ли. Не то чтобы у меня были антисоветские принципы... Знаете, у меня есть хороший ответ на такие вопросы. В подобных случаях я всегда цитирую японского писателя Акутагаву, который как-то сказал: «У меня нет принципов. У меня есть только нервы». Я бы мог сказать то же самое и о себе. Не думаю, чтобы у меня была своя философия или система принципов и убеждений, я всегда действовал по интуиции. И если я упирался рогом, то как живое существо, а не как носитель тех или иных философских взглядов. Позже, конечно, ты можешь что-то сформулировать для себя, сделать выводы и так далее, и, может быть, это станет твоей системой философских убеждений, но главным остается тот факт, что ты прежде всего человеческое — или животное, если угодно — существо, которого не устраивает предложенный выбор. Это как если бы тебе предложили выбирать из двух сосисок, в то время как ты заказывал рыбу.

О христианстве

— А каково ваше отношение к христианству? У вас ведь есть и рождественские стихи?

— Черт его знает! (Смеется.) Мне сложно об этом говорить. Вы знаете, у меня была идея в свое время, когда мне было 24–25 лет, и я пытался ей следовать, то есть на каждое Рождество писать по стихотворению. И некоторое время я соблюдал это, но потом обстоятельства, что ли, встали поперек дороги... но я до сих пор пытаюсь это делать. И, в общем, в этом заключается мое отношение к христианству (смеется)... если угодно. У меня семь или восемь рождественских стихотворений. Что-то вроде дисциплины... как человек,

который каждый год фотографируется, чтобы знать, как он выглядит. По этому можно, как мне казалось, более или менее проследить стилистическое развитие — развитие души в некотором роде, то есть эти рождественские стихотворения — как фотография души, что ли. К сожалению, масса негативов потеряна.

— А как же крест на одной из ваших фотографий, сделанных сразу после отъезда?

— Это был 1972 год. В те времена я относился к этому более, так сказать, «систематически». Потом это прошло. Если хотите, это опять связано с Пастернаком. После его «стихов из романа» масса русской интеллигенции, особенно еврейские мальчики, очень воодушевились новозаветными идеями. Отчасти в этом заключалась форма сопротивления системе, с другой стороны, за этим стоит совершенно замечательное культурное наследие, с третьей стороны — чисто религиозный аспект, с которым у меня отношения всегда были в достаточной степени неблагоприятными.

В принципе систематическая сторона любого дела всегда немножечко неприятна, и если говорить всерьез о том, что я выбрал в духовном отношении — хотя, может быть, надо было бы говорить

об интеллектуальном в первую очередь — я, конечно, Новому завету предпочитаю Ветхий. То есть метафизический горизонт, метафизическая интенсивность Ветхого завета куда выше, чем метафизика Нового. Идея грандиознее, идея верховного существа, которое не оперирует на основании этических, то есть человеческих категорий, а исходит из собственной воли, в основе которой лежит произвол. В этом смысле иудаизм для меня несколько более привлекателен, чем новозаветное христианство, хотя я человек, в некотором роде испорченный одной вещью: так получилось, что я прочел Бхагават-гиту и Махабхарату раньше, до Нового и Ветхого заветов. Ветхий и Новый заветы я прочел впервые, когда мне было двадцать четыре года. И метафизические горизонты индуизма на меня произвели куда большее впечатление, и со мной всегда остались. Это потом я понял, что это — не мое. Но когда я читал Новый завет, я невольно сравнивал, и то, что дает человеку индуизм — это действительно метафизический эквивалент каких-то Гималаев, то есть все время за тем, что ты видишь, возникает более высокая, более грандиозная горная цепь. Иудаизм можно скорее сравнить с потоком в узком русле, но колос-

сальной интенсивности. Вольно или невольно, во все эти дела вмешивается и производит выбор разум, или даже не разум, а до известной степени воображение, и мне кажется, что духовный потенциал человека — грех говорить такие вещи — более реализован в Бхагават-гите, нежели, скажем, в Новом завете. Хотя я и не готов — и на смертном одре, который, боюсь, не за горами, не буду готов — вступить в серьезную дискуссию на эту тему. Но интуитивно индуизм грандиознее.

К этому можно еще добавить, что художественное произведение мешает вам удержаться в доктрине, в той или иной религиозной системе, потому что творчество обладает колоссальной центробежной энергией и выносит вас за пределы, скажем, того или иного религиозного радиуса. Простой пример: «Божественная комедия», которая куда интереснее, чем то же самое у отцов церкви. То есть Данте сознательно удерживает себя в узде доктрины, но в принципе, когда вы пишете стихотворение, вы очень часто чувствуете, что можете выйти за пределы религиозной доктрины: метафизический радиус расширяется или удлиняется...

Перевел с английского
Глеб ШУЛЬПЯКОВ